

**«ЭТО НАШЕ, РУССКОЕ, РУССКАЯ КНИЖНАЯ КАЗНА!»
(К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ Е. И. ЗАМЯТИНА)**

Л. В. Полякова

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 11 апреля 2014 г.

Аннотация: 1 февраля 2014 г. мировая литературная общественность отметила замечательный юбилей выдающегося русского писателя Евгения Ивановича Замятина (1884–1937). В статье обращено внимание на общие и наиболее характерные черты личности, творческого портрета художника.

Ключевые слова: русская литература XX в., Замятин, национальный колорит творчества, «На куличках», «Мы», «Атилла», публицистика, полемика о западниках и славянофилах.

Abstract: On February 1, 2014 world literary community celebrated a anniversary of the great Russian writer Yevgeny I. Zamyatin (1884–1937). The article focuses on the General and the most characteristic features of the personality and the creative portrait of the artist.

Key words: Russian literature of the XX century, Zamyatin, the national color of creativity, «The middle of nowhere», «We», «Attila», publicism, the controversy about the zapadnykh and slavyanofil.

В чрезвычайно сложной картине литературной жизни XX в. колоритная фигура Евгения Ивановича Замятина (1884–1937) воспринимается как во многом знаковая, объединяющая. В разные годы он отмечен во всех потоках отечественной литературы: был реалистом и модернистом, творил в русле литературы «серебряного века» и литературы «советской», принадлежал к культуре «русского зарубежья». В творчестве писателя отразились наиболее трагические перипетии национальной жизни, заложены характерные поиски искусства не только первой трети, но всего столетия, включая период гигантских разломов при столкновении второго и третьего тысячелетий, на этапе гибели советской цивилизации. Вот и французский славист Ж. Катто специально подчеркнул: «...замятинская манера письма была средоточием литературных потенций целой литературной эпохи – эпохи, богатейшей потенциями» [1, 3].

Сегодня, спустя более пятидесяти лет молчания о Замятине в России, где публикация его произведений и работ о нем возобновилась лишь во второй половине 1980-х гг., о творческом наследии писателя написана большая литература, до современного читателя дошли не только его труды, но и многие документы, конкретные свидетельства о личности и гражданском поведении писателя. По воспоминаниям современников, вынужденно уехавший в конце 1931 г. за границу, не меняя советского паспорта и оплачивая квартиру в Ленинграде, он заботился об оставленных на родине соратниках по перу и от-

правлял посылки М. Булгакову и А. Ахматовой; «ни с кем не znalся, не считал себя эмигрантом и жил в надежде при первой возможности вернуться домой» (Н. Берберова); «улыбался даже в самые тяжелые моменты своей жизни. Приветливость его была неизменной» (Ю. Анненков); «внушал уважение не только глубокой своей порядочностью, но и очень тщательно скрываемой добротой» (З. Шаховская) [2, 20] и т. д. В ряду высказываний о личности и творческой индивидуальности Замятина мы обращаем особое внимание на характеристику А.М. Ремизова, подметившего и сформулировавшего одну из отличительных черт замятинского художественного мира, – открытую и яркую национальную его выразительность: «...дело его жизни, все эти словесные конструкции русского лада – это наше русское, русская книжная казна!.. Замятин из Лебедяни, тамбовский, чего русее, и стихия его слов отборно русская» [2, 20]. Критики, не учитывающие национальный флёр замятинского текста, как правило, политизируют творческий портрет писателя, опускают между ним и его читателем завесу мелкой тенденциозности.

Приведу только один, но очень показательный пример.

11 марта 1914 г. «СПБ. Комитет по Делах Печати» принял постановление «О наложении ареста на повесть “На куличках”». В нем говорилось: «Повесть разделяется на 24 главы и посвящена автором описанию внутреннего быта небольшого военного отряда на Дальнем Востоке. Жизнь эта изображена в самом отталкивающем виде. Замятин не жалеет грубых красок, чтобы дать читателю глубоко-оскор-

бительное представление о русских офицерах. С этой целью Замятин подбирает в своей повести целый ряд мелких фактов, не останавливаясь перед весьма непристойными картинами... По его описанию русские офицеры только ругают и избивают солдат, сами развратничают и пьянствуют, в Собрании затевают драку в присутствии приглашенных для чествования иностранных офицеров... все поведение русских офицеров является сплошным позором и обличает в них людей грубых, отупевших, лишенных человеческого облика и утративших сознание собственного достоинства, что, несомненно, представляется крайне оскорбительным для воинской чести. Вместе с тем Замятин, имея в виду еще более унижить выведенных в повести офицеров, рисует самые интимные и для публичного разглашения непристойные стороны супружеской жизни и приводит порнографические выражения, чем оскорбляет чувство благопристойности». Не имело смысла попытка ходатайства редакции о снятии ареста с третьего номера журнала «Заветы»: 22 апреля 1914 года 3-е отделение Санкт-Петербургского Окружного Суда приняло решение: «Арест оставить в силе» [3, 120-121]. Замятин был выслан на Север.

Ровно 100 лет прошло после публикации этого произведения и развернувшейся истории вокруг него. И все же на страницах работ современных авторов нет-нет да и мелькнет аналогичная оценка повести как сочинения с «глубоко оскорбительным представлением» автора «о русских офицерах», оценка, бесспорно, обидная для Замятина, в то время как на деле жизнь отдаленного дальневосточного военного гарнизона – это лишь материал для художника, предметом осмысления которого являлись прежде всего особенности русской жизни, человеческие судьбы и характеры.

Все – сюжет, его динамика, образный строй, авторская оценка, общий пафос произведения – определяется ролью трех героев: Николая Петровича Шмита, его жены Маруси и Андрея Ивановича Половца. Они и составляют своеобразный любовный треугольник, хотя и не классического напряженно драматического образца. Именно в них ярче всего воплощены типы русского характера, о котором писали не раз представители мировой и отечественной философии, которому искали аналогии в своих «крещендо» и «пианиссимо», акварелях и пастелях, гимнах и элегиях музыканты, живописцы и писатели. В работе «Миросозерцание Достоевского» Н.А. Бердяев давал характеристику русского менталитета, его антиномий и болезней, отмечал русское смирение и русское самомнение, русскую всечеловечность и русскую исключительность, русское отсутствие чувства меры, спокойной уверенности и твердости, без надрыва и истерии. «Русские равнины, как и русские овраги, – символы русской души... Душа расплывается по бесконечной равнин-

ности, уходит в бесконечные дали... Она не может жить в границах и формах... душа эта устремлена к конечному и предельному... Это – душа апокалиптическая по своей основной настроенности и устремленности... Она не превращена в крепость, как душа европейского человека... В ней есть склонность к странствованию по бесконечным равнинам русской земли. Недостаток формы, слабость дисциплины ведет к тому, что у русского человека нет настоящего инстинкта самосохранения, он легко истребляет себя, сжигает себя, расплывается в пространстве» [4, 186-188]. Разве не эти, как в произведениях Достоевского, самоиспеляющие черты подмечены в характерах своих любимых героев Замятиным? Трудно назвать иное произведение этого художника, где с такой силой выразительности были бы переданы подобные реалии национального характера, которые жизнь на куличках лишь усугубляла.

Постижение Замятиным России, русской жизни и русского человека обусловлено не только врожденной силой генетического кода, но и самой личностью писателя, выдающейся, обладающей пристальным, чутким взглядом большого художника, тонко чувствующего свою «почву». Творческое вдохновение Замятин до конца своих дней черпал из отчего края и памяти о нем. Свою «русскую книжную казну» он создавал под воздействием «Тамбовской Маньчжурии», «густо черноземной Лебедяни» (ныне Липецкая область), которую в Автобиографии 1928 г. назовет «самой разрусской – тамбовской». Отношение в целом к России, взгляд на русскую жизнь, на характер, нравы, поведение соотечественников он формировал тоже во многом под воздействием «самой настоящей, с черноземом» России, о которой в августе 1924 г. напишет М. Волошину: «Дорогой Максимилиан Александрович, пишу Вам из России – самой настоящей, с черноземом, Доном, соломенными крышами, лаптями, яблоками. И круг меня сейчас – яблоки. Воздух – как парча – весь расшит запахами яблок разных сортов: пахнет аркадом, шелковкой, малокваской, лимонкой, анисом, боровинкой, грушовкой, китайкой – знаете вы такие сорта? Яблок здесь столько, что ими кормят тут коров...» [5, 123].

Замятинский человек в литературе – это художественно совершенный и ярко выраженный национальный характер, сотканный из кричащих противоречий духа и поведения. Писатель любит героев без середины. Они максималисты. Ощущение душевного «чрева» или «наводнения» для них самое оптимальное состояние. Будто человек рожден для того, чтобы до конца насладиться, налюбоваться, намучиться, настрадаться, проявляя себя в деле, в поступках, иногда безумных, во взаимных отношениях, борьбе, быту или абстрактном морализаторстве.

В своих многочисленных художественных творениях Замятин диагностировал русскую жизнь,

писал о болезни, на языке писателя «энтропии», с ее обратимыми или необратимыми процессами, не столько застоя, сколько состояния замкнутости: поэтика конфликта в замкнутом пространстве стала одним из критериев эстетики именно этого писателя. То, что сформулирует С.Л. Франк в 1918 г. в статье «De profundis» (отходная, молитва об усопших; из глубины души), – «Истинное существо нашей национальной болезни, столь страшный кризис которой мы переживаем, состоит не в том, что народный организм утратил свои духовные силы и потерял способность вырабатывать живые внутренние соки, питающие народное тело и дарующие ему внутреннее здоровье, единство и соразмерность жизни, а в том, что эти соки остаются неиспользованными, пребывают в бессильно-потенциальном состоянии, т. е. что парализована та сила, которая разливала их по всему организму и тем обеспечивала нормальное и интенсивное его функционирование. Как бы глубока и тяжка ни была наша болезнь, она есть все же лишь функциональное расстройство, а не органическое омертвление» [6, 266], – Замятин раскрыл в своем творчестве начала 1910-х гг., в том числе в повести «На куличках», где Андрей Иваныч Половец приехал из Тамбова «на край света», «к черту на кулички» для того, чтобы найти возможность раскрыться как писателю и военному спецу: «Что же, так и теперь прокисать Андрею Иванычу субалтерном в Тамбове каком-то? Ну, уж это шалишь...»

В одной из своих работ профессор университета в г. Майнце (Германия) Р. Гольдт приводит слова директора германской кинематографической фирмы, интересовавшегося произведениями Замятина и читавшего их на немецком языке: «Вы очень русский, вас нельзя приспособить к нашей жизни»[®] [7, 332]. Именно немецкий исследователь поставил вопрос о целесообразности осмысления творческого наследия Замятина в аспекте одной из самых острых и продолжительных в истории русской общественной мысли полемики – «западников» и «славянофилов»: «Уже беглый взгляд показывает, что русское восприятие Европы выходит далеко за рамки однозначного выбора между подражанием или отрицанием. Освоение нередко переходит в остранение...» [7, 220].

В своем творчестве, особенно в последние годы жизни, Замятин искал ответ на вопрос отца чтимого писателем и его окружением В.С. Соловьева, – знаменитого историка С.М. Соловьева. «Что современное человечество есть больной старик и всемирная история внутренне кончилась, – писал В.С. Соловьев, – это была любимая мысль моего отца, и когда я, по молодости лет, ее оспаривал, говоря о новых исторических силах, которые могут еще выступить на всемирную сцену, то отец обыкновенно с жаром подхватывал: «Да в том-то и дело, говорят тебе: когда умирал древний мир, было кому его сменить,

было кому продолжать делать историю: германцы, славяне. А теперь где ты новые народы сыщешь? Те островитяне что ли, которые Кука съели? Так они, должно быть, уже давно от водки и дурной болезни вымерли, как и краснокожие американцы...» [8, 115]. Замятин, автор английских сюжетов «Островитяне» и «Ловец человеков», тоже думал о том, кто сможет «продолжать делать историю», и свой почти однозначный ответ предложил в трагедии «Атилла» (таково написание этого имени Замятиным) и неоконченном романе «Скифы», завершившем творческий путь писателя. В конце 1917 г., после возвращения из Англии, где еще более окреп интерес Замятина к истории России и истокам русской нации, из-под пера писателя «вырвалась» статья «Скифы ли?», впервые опубликованная в альманахе «Скифы» (1918. № 2) [9, 285-295]. Автор, несомненно, знал работу М. Горького «Две души», и когда в 1926 г. тепло писал поэту И.Е. Ерошину «о далеких отголосках» тогдашних споров «об азиатском и западном в нас» [10, 149], он, конечно, не исключал из их контекста горьковскую статью.

«Нам нужно... лечиться от пессимизма – он постыден для молодой нации, его основа в том, что натуры пассивные, созерцательные склонны отмечать в жизни преимущественно ее дурные, злые, унижающие человека явления. Они, – писал Горький, – отмечают эти явления не только по болезненной склонности к ним, но и потому, что за ними удобно скрыть свое слабование, обилием их можно оправдать свою бездеятельность. Натуры действительные, активные обращают свое внимание, главным образом, в сторону положительных явлений, на ростки доброго, которые, развиваясь при помощи нашей воли, должны будут изменить к лучшему нашу трудную, обидную жизнь» [11, 184]. В отношении Замятина к России и к русскому человеку на разных этапах доминировала, по его словам, «белая любовь», причем в ней были черты как «белой любви» Дон-Кихота, «мягкой и добродушной» (его «скифство» – из этого разряда), так и «белой любви» Сологуба, «беспощадной», убивающей. Замятин хорошо понимал мысль В. Розанова, сформулированную им в «коробе первом» «Опавших листьев»: «Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша "мать" пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, – мы и не должны отходить от нее...» [12, 83], и в статье «Скифы ли?» намеренно расставлял иные, чем у М. Горького, акценты. Он вторгался в историческую полемику «западников» и «славянофилов» и в негласном споре с М. Горьким ощущал свою близость к позиции именно Пушкина в его известном письме-полемике к П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. [13, 598, 754, 875].

Однако Замятину близка и мысль М. Горького о характере нашего гражданского, политического мирозерцания, которая коренится в идеологии российской власти и в представлениях русского человека о воле: «власть азиатская, воля – степная» [14, 68]. «Исповедание» скифа, уточнял Замятин, «еретичество». Эта черта характера и самоощущения скифа особенно привлекает писателя. Именно в статье «Скифы ли?» автор заложил основу своего понимания «еретичества», смысл которого будет аргументировать в последующие годы. «Здесь трагедия, и здесь – мучительное счастье подлинного скифа: ему никогда не почивать на лаврах, никогда ему не быть с практическими победителями, с ликующими и поющими «славься». Удел подлинного скифа – тернии побежденных; его исповедание – еретичество; судьба его – судьба Агасфера; работа его – не для ближнего, но для дальнего. А эта работа во все времена, по законам всех монархий и республик, включительно до советской, оплачивалась только казенной квартирой: в тюрьме» [9, 287].

Равные страстным сыновним признаниям, пронесенным после возвращения из Англии, Замятин напишет лишь на исходе своего земного пути, в 1933 г. в Париже на страницах очерка «О моих женах, о ледоколах и о России» – о русском человеке-ледоколе: «Россия движется вперед странным, трудным путем, непохожим на движение других стран, ее путь – неровный, судорожный, она взбирается вверх – и сейчас же проваливается вниз, кругом стоит грохот и треск, она движется, разрушая... Русскому человеку нужны были, должно быть, особенно крепкие ребра, и особенно толстая кожа, чтобы не быть раздавленным тяжестью того небывалого груза, который история бросила на его плечи. И особенно крепкие ребра – «шпангоуты», особенно толстая стальная кожа, двойные борта, двойное дно – нужны ледоколу, чтобы не быть раздавленным сжавшими его в своих тисках ледяными полями. Но одной пассивной прочности для этого все же еще было бы мало: нужна особая хитрая увертливость, похожая на русскую «смекалку»... Он переносит такие удары, он целым и только чуть помятым выходит из таких переделок, какие пустили бы ко дну всякий другой, более избалованный, более красиво одетый, более европейский корабль» [15, 348, 351]. Здесь не только объяснение писателя в любви к родной земле, но и оценочная позиция. О том, что это не просто проходные сравнения, а своеобразный итог многолетних размышлений, своеобразно выраженное авторское кредо, при прочтении очерка на страницах французского издания «Marianne» [16] догадывались только те, кто хорошо знал творчество автора или близко и долго с ним общался.

Здесь весь Замятин, с его «иронией» и «сарказмом», «неореализмом» и «постмодернизмом», а также «невротизмом» и «болезнью души», о чем так

любят писать некоторые современные исследователи и публицисты. Не постигнув в замятинском наследии этой его вершины, какой-то безоглядой – головой в омут! – любви к России, мы никогда не разглядим и его фундаментального подножья, представленного разнообразием жанров, стилей и художественных концепций.

Завеса политической тенденциозности критики присутствует и в оценках сложного для трактовки, наиболее читаемого сегодня произведения писателя, романа «Мы» (1920–1921), который Замятин считал самой «крупной» своей вещью.

Справедливо осуждая политические ярлыки, прикрепленные к писателю рептильной, а иногда и искренне заблуждающейся критикой 1920-х годов, в наши дни мы, кажется, снова используем оранжевые способы оценки, снова навешиваем те же самые вывески, только перевернув их обратной стороной, поменяв минусы на плюсы. Сегодня мы снова не можем уйти от вульгарных характеристик и ищем в романе почти столетней давности атрибуты современных политических настроений, прочитываем несогласие Замятина с революционной идеей, магическое пророчество великого диагностика социалистического будущего. В одном издании говорится, что Замятин написал роман, «карикатурно изображающий коммунистический общественный идеал» [17]. В другом утверждается, что роман направлен против концепции «казарменного коммунизма» [18, 108]. В третьем – «своим романом он предугадал возможность сталинского насилия над революцией», «первым почувствовал угрозу явления, которое назовут сталинизмом, и понял заложенную в нем фундаментальную мысль, если не его политическую почву» [19; 39, 41]. Четвертый автор увидел в романе «Мы» концентрацию, с использованием авторского права на преувеличение, сатирическое заострение, на гиперболу, «мысли об устройстве социалистического государства» [20, 97]. Н. Иванова без всяких оговорок заключает: «Провидческую антиутопию создал Е. Замятин («Мы»), еще в 1920 году блестяще изобразивший мыслимые и немыслимые последствия претворения коммунистической утопии в жизнь» [21]. Прямо так.

Поверхностные политизированные подходы, лишь с заменой минуса на плюс, совсем не отличаются от тех давних утверждений 1920-х гг. («Мы» Замятина – памфлет против социализма», «Роман "Мы" – пасквиль на коммунизм и клевета на советский строй», «Роман "Мы" – пасквиль на социалистическое будущее» – Л. Авербах [22], А. Ефремин [23, 232–233], Э. Лунин [24, 309]), которые спровоцировали тогда травлю писателя, закончившуюся «делом Пильняка и Замятина», письмом Замятина к Сталину и вынужденным отъездом его за границу. Впервые опубликованный на родине в 1988 г., роман и тогда был использован как жупел в борьбе с социализмом.

Роман был, как покажет время, произведением не только с мировым забралом, но и роковым в творческой судьбе автора. В 1932 г. в парижском интервью Замятин вспомнит, как однажды на Кавказе ему рассказали персидскую басню о петухе, у которого была дурная привычка петить на час раньше других: хозяин петуха попадал из-за этого в такие неудобные положения, что в конце концов отрубил своему петуху голову. «Роман «Мы», – с горечью заключит писатель, – оказался персидским петухом: этот вопрос и в такой форме поднимать было еще слишком рано, и поэтому после напечатания романа (в переводах на разные языки) советская критика очень даже рубила мне голову» [25, 73].

Только что закончен роман, и Замятин пишет Юрию Анненкову: «...Техника – всемогуща, всеведуща, всеблаженна. Будет время, когда во всем – только организованность и целесообразность, когда человек и природа – обратятся в формулу, в клавиатуру... Люди смазаны машинным маслом, начищены и точны, как шестиколесный герой Расписания. Уклонение от норм называют безумием... А дальше – все из восхитительнейших уборных побегут под неорганизованные и нецелесообразные кусты...». Об этом письме 1921 года Ю. Анненков метко сказал: оно «явилось кратчайшим шуточным конспектом романа «Мы»» [26, 118-119].

Политизированный, в духе худшей критики 1920-х годов, подход современной критики к роману Замятина «Мы», думается, менее всего соответствует не только высказываниям самого автора, но и объективному содержанию произведения. Будь иначе, переведенный на многие языки мира (английский, французский, немецкий, итальянский, финский, шведский, норвежский, датский, чешский и др.), роман все равно не смог бы сохранить свою жизнь, обескровленный, отрезанный от корней, от родины, от национальных традиций.

Интерес современного читателя к роману велик и закономерен. Его содержание гораздо шире, чем оно представлено в господствующих в отечественной популярной прессе, да и не только в ней, оценках. Сегодня практически не цитируется разъяснение самого Замятина, редко кто из исследователей слышит его прозвучавшие слова об этом произведении: «...Роман «Мы», – сказал писатель в интервью Фредерику Лефевру для журнала «Les Nouvelles Littéraires» в 1932 г. в Париже, – это протест против тупика, в который упирается европейско-американская цивилизация, стирающая, механизмирующая, омашинивающая человека»; «близорукие рецензенты увидели в этой вещи не больше, чем политический памфлет. Это, конечно, неверно: этот роман – сигнал об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства – все равно какого. Американцы, несколько лет тому назад много писавшие о нью-

Йоркском издании моего романа, не без основания увидели в этом зеркале и свой фордизм. Очень любопытно, что в своем последнем романе известный английский беллетрист Хаксли развивает почти те же самые идеи и сюжетные положения, которые даны в «Мы». Совпадение, конечно, оказалось случайным, но такое совпадение свидетельствует, что идеи – кругом нас, в том предгрозовом воздухе, которым мы дышим» [27, 540].

Роман «Мы» вовсе не случаен и не неожидан в творчестве Замятина: пожалуй, в нем нет ни одного мотива, ни одного образа и характера, ни одного предостережения, которые бы мы не прочитывали в предшествующих художественных произведениях и публицистических работах писателя. Да и форма трагикомического и иронического повествования вышла из предшествующей эстетической системы Замятина. Роман во многом стал концентрацией уже состоявшихся художественных открытий, наглядным пособием многих замятинских теоретических построений. Соединение мирового жизненного материала – анализ тенденций технического прогресса, с попытками разрешить общечеловеческие загадки бытия, развязать узлы мятущейся, часто обуреваемой абстрактными страданиями русской души, синтез интернационального и отечественного, подчеркнутый и употреблением латинско-кириллического буквенного обозначения имен действующих лиц, – в этом феномен романа, его неповторимый идейно-художественный эффект.

В романе создавался литературно-футурологический «конспект» отдаленного человеческого общезжития, где вся жизнь воткнута в треугольник: нумера, Единое Государство, Благодетель, где существуют не люди, а их знаки, действуют лица без человеческих имен, где представление о счастье связано с представлениями о равенстве в несвободе. Ориентированный не только на «планетного» читателя, но и на новую советскую жизненную реальность, на нового читателя роман получился фантастическим, с элементами детектива, занимательности.

Создан, по определению самого Замятина, «социально-утопический роман – по-моему, лучшее из того, что я написал до сих пор», при прочтении трансформирующийся в экспериментальное философско-ироническое исследование, роман идей. В нем – иллюзия пространственности, массовости героев, энергии и глубины чувств, эпопейности событий. На деле же в произведении нет ни масс, ни личностей, ни пространства. Все статично. Единично. Поверхностно. В масштабе замятинской иллюзии – размах и иллюзия самой революции, идеи которой как антиэнтропийного явления для Замятина «бесконечны», революции, поставившей ребром вопрос не только о статусе государства, но и о статусе гуманизма. Страдающая, сопротивляющаяся душа прозаика творила роман-эмблему, антиутопию маши-

нравного счастья, создавала взамен иную – художественную утопию универсальной несвободы, где гротеск доведен до крайних выражений, где торжествует лишь одна форма разрешения трагизма – ирония. «Смешной», как определил его Замятин, роман – это смех над самым сильным противником, жизнью. «Это смех человека, умеющего смеяться от нестерпимой боли и сквозь нестерпимую боль» [28, 132] (слова Замятина о писателях-неореалистах).

На одном из международных симпозиумов, проходившем в Ратгерском университете (штат Нью-Джерси), как писал А. Мулярчик в статье двадцатилетней давности «Тень ложится на Россию», обладатель Нобелевской премии по литературе за 1976 г. Сол Беллоу выразил опасение по поводу наступления «нового варварства», находящего выражение в подавлении души и сознания человека «ультрасовременными технологиями». «Показательно, – писал современный исследователь-американист, – что в поисках противоядия взор американского прозаика вновь обратился в сторону России даже в ее нынешнем угнетенном состоянии... Правда, участвовавший в той же дискуссии другой Нобелевский лауреат, И. Бродский, увидел совершенно обратную перспективу: «Россия превращается в перманентное несчастье... пришла пора ей переместиться на вторые роли» [29]. Прозвучавшие в Нью-Джерси слова о России – эхо давних споров о месте ее в мировой истории, об особой роли страны, которую «аршином общим не измерить».

Евгений Замятин нечасто, но основательно осмысливал судьбу России в аспекте мессианских прогнозов. Он знал, что «Россия движется вперед странным, трудным путем, не похожим на движение вперед других стран». Хорошо осознавая российскую специфику, Замятин, как сейсмограф, улавливал прежде всего грядущие общемировые катаклизмы, воплощал свои предвидения в сложные и оригинальные художественные формы. То мировое «новое варварство», о котором говорит Сол Беллоу, автор «Островитян», «Ловца человеков», романа «Мы» и целого ряда публицистических статей предчувствовал почти сто лет назад. И в этом контексте Россию он не делал исключением.

Разумеется, социально-философское звучание романа «Мы» шире и значительнее, чем антитехнократическая сатира. Не случайно, среди предшественников автора «Мы» справедливо называются не только деятели Пролеткульта, футуристы, но и Достоевский с его обращенностью к проблеме свободы человека в его макро- и микромирах. И все же именно наступление «нового варварства», выражающегося не только в усилении власти государства, но и подавлении души и сознания человека ультрасовременными технологиями (Сол Беллоу), – главное в пророчествах, в предостережениях и отрицании Замятина.

В книге «Смысл истории» Н.А. Бердяев могущество техники и возникновение механических коллективов, закрепощение человеческой личности ее собственными открытиями осмысливал в аспекте проблемы истощения и конца Ренессанса как явления, в свое время ознаменовавшего собой расцвет гуманизма, радость творчества, окрыленность мечты, утверждение человеческой индивидуальности. Порабощение личности человека машиной и общественной средой, растворение ее в огромных человеческих массах философ расценивал как ступень всемирной трагической истории, которая сама есть внутреннее раскрытие Апокалипсиса. «Мы присутствуем при роковом процессе перерождения личности... Человек есть существо творческое, – говорил Н.А. Бердяев, – или образ Творца. Но активность, которую требует от человека современная цивилизация, есть, в сущности, отрицание его творческой природы, ибо она есть отрицание самого человека» [30, 209-216]. Эти сокрушительные мысли русского философа еще ранее художественно и публицистически оформлены Замятиным.

Глава замятинского романа «Мы» «Запись 39-я», предпоследняя, – одна из наиболее концептуальных в произведении. Она называется «Конец». Здесь психологическая проза Замятина с ее бесконечным потоком сознания, энергичной сменой цветов и ритма, с движением, в которое приведено все вокруг: птицы, аэро, два седалищных полушара какой-то женщины, нумеры, губы, небо, карандаш и так далее, – представлена в эффектном художественном выражении. «Вот – головы, раскрытые рты, руки машут ветками. Должно быть, все это орет, каркает, жужжит...». Именно здесь на «пустой, как выметенной какой-то чумой», улице Д-503 споткнулся «обо что-то нестерпимо мягкое, податливое и все-таки неподвижное», о труп. Именно здесь решает герой свои неразрешимые задачи. В этот, как пишет автор, «апокалиптический час» он узнает, что «вселенная – конечна», «все – конечно, все просто, все – вычислимо». Как раз эта глава завершается излюбленными замятинскими двумя тире (– –) без точки, без паузы в состоянии героя. Двойное тире в конце главы мы встречаем только еще однажды, в «Записи 10-й», после чтения Д-503 любовно-трагического письма О. Здесь, в главе «Конец», еще живут мыслящие, колеблющиеся, сомневающиеся и чувствительные люди. Как только в последней записи, 40-й, они подвергнутся Великой Операции по удалению души, наступит действие Газовой Камеры и стены из высоковольтных волн. Этими картинами человеческого злодеяния и завершается роман.

Отвергая теории гипертрофированного государственно-управленческого, гуманитарно-технологического, производственно-технического бытия, Замятин написал свой антиромантический литературно-художественный конспект, в котором с точностью

им самим созданной Скрижали распределил роли, персонажи, главы записей. Дозированы художественные средства. Мастерски владея орудием иронии, доведя человеческую опрометчивость в создании железного Государства, сотворении столь же железного Благодетеля до абсурда, автор сокрушал этот мир нумеров, способных жить только «по прямой», «великой, божественной, точной, мудрой прямой – мудрейшей из линий». И этим поэма ироническим пафосом отрицания, несогласия роман возвышался в творчестве писателя и в целом в мировой литературе.

Своеобразным мостиком в творческой эволюции писателя от фантастического реализма «Мы» и экзистенциально-экспрессионистского реализма «Рассказа о самом главном» (1923) к тому творческому направлению, которое укрепляли драматургия «Атиллы» (1928) и эпос «Бича Божия», стал рассказ «Слово предоставляется товарищу Чурыгину» (1927). Он свидетельствовал не только о закреплении интереса писателя к героическому началу народной жизни в переломную, чреватую катастрофами эпоху, но и о его продолжающемся «скифстве», пожалуй, ярче всего в то время художественно проявившемся именно, по определению Замятина, в «романтической трагедии» «Атилла», написанной в стихах, с «далекими отголосками» разговоров революционных лет «об азиатском и западном в нас». Замятин не отвергал огульно западные достижения, а на протяжении всего своего творческого пути пытался «проинтегрировать» специфику русского национального характера и русской истории в параметрах мировой и прежде всего европейской и восточной цивилизаций.

В феврале 1928 г. в связи со своими творческими планами Замятин писал: «Запад – и Восток. Западная культура, поднимавшаяся до таких вершин, где она уже попадает в безвоздушное пространство цивилизации, – и новая, буйная, дикая сила, идущая с Востока, через наши, скифские, степи. Вот тема, которая меня сейчас занимает, тема наша, сегодняшняя – и тема, которую я слышу в очень как будто далекой от нас эпохе. Эта тема – один из обертонів моей новой пьесы – трагедии “Атилла”...» [31, 4] В этом же году Замятин и завершил работу над исторической трагедией «Атилла», которую писал около трех лет.

В 1932 г. в интервью Ф. Лефевру Замятин так объяснял причину своего обращения к историческому роману «Бич Божий» с материалом пьесы «Атилла» в основе: «Если я заинтересовался этой темой, которая кажется далекой от нас, то лишь потому, что я полагаю, что мы живем в век, близкий к эпохе Атиллы. Как и тогда, наше время определяется большими войнами и социальными катастрофами. Быть может, завтра мы так же будем свидетелями гибели очень высокой культуры, находящейся уже на ущер-

бе. К тому же напомним, что государство Атиллы простиралось от Волги до Дуная и что главные силы его войск составляли славянские и германские племена» [27, 549].

Незавершенный роман «Бич Божий» (по плану автора создавалось огромное эпическое полотно под названием «Скифы» с одной из программных его частей «Бич Божий») был издан посмертно в Париже в 1938 г. Состояние Европы, распоротой восстаниями и революциями, войнами и предчувствием грядущих катастроф передано в романе уже в первых строках, на первых страницах. Замятин в последний раз обратился к своему трагическому, пугающему, но близкому и понятному, полифоническому образу чрева, на этот раз какого-то особого, космического, глобально-катастрофического масштаба.

Чувство России, родины, ее истории и национальной специфики не оставляло Замятина никогда. Оно – поверхностная, легко улавливаемая особенность творчества и личности этого писателя. Не случайно в «Показаниях по существу дела» он уточнял: «...Не взирая на самые трудные условия, работать для своей страны», «будущее русской эмиграции за границей – трудный вопрос. Скорее всего, – все, или большая часть, раньше или позже, вернутся в Россию» [32, 82-83]. Именно чувство родины мешало Замятину создать в своей зарубежной жизни уют и комфорт. Оно предопределяло и образ поведения, и так называемый «нейтралитет», а точнее, чувство национального достоинства в творчестве. И это не политическая позиция художника, а глубоко нравственная. Она схожа с самоощущением М. Цветаевой в стихотворении «Челюскинцы»:

*...Советский Союз!
За вас каждым мускулом
Держусь – и горжусь:
Челюскинцы – русские!*

Цветаева писала о Замятине: «...мы с ним редко встречались, но всегда хорошо, он тоже, как и я, был: ни нашим, ни вашим» [33, 298]. Они оба принадлежали России, и для них это было главным в творческом поведении. Никогда не оставлявшее Замятина чувство родной земли подвигало писателя на его «скифство» и предопределяло компромиссную позицию в полемике «западников» и «славянофилов».

ЛИТЕРАТУРА

1. Новое о Замятине. Сб. материалов / под ред. Л. Геллера. – М., 1997.
2. Замятин Е.И. Соч. : в 5 т. / Е.И. Замятин // – Т. 1 : Уездное / вступ. ст. ст. А.Н. Тюрина. – М., 2003.
3. См.: Литературная учеба. – 1989. – № 5.
4. Бердяев Н.А. О русских классиках. – М., 1993.
5. «Пишу вам из России...» Письма Е.И. Замятина М.А. Волину / публ. Вл. Купченко // Подъем. – 1988. – № 5.
6. Из глубины: Сборник статей о русской революции. С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.А. Булгаков и др. – М., 1990.

7. Гольдт Р. Мнимая и истинная критика западной цивилизации в творчестве Е. И. Замятина. Наблюдения над цензурными искажениями пьесы «Атилла» / Р. Гольдт // *Ежеквартальник русской филологии и культуры*. – СПб., 1996. – Т. II.
8. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы / А.В. Гулыга. – М., 1995.
9. Замятин Е.И. Скифы ли? / Е.И. Замятин // Замятин Е.И. Собр. соч. : в 5 т. – Т. 4. Беседы еретика / сост., подгот. текста, коммент. С.С. Никоненко, А.Н. Тюрина. – М., 2010.
10. «...Я человек негнувшийся и своевольный. Таким и останусь...» // *Новый мир*. – 1996. – № 10.
11. Горький М. Две души / М. Горький // *Статьи...* – 1916.
12. Розанов В.В. Опавшие листья / В.В. Розанов. – Берлин, 1929 (кс).
13. Из письма А.С. Пушкина П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. / пер. с франц. Н.Х. Кетчера // *Пушкин А.С. Собр. соч. : в 10 т. – Т. 10.* – М., 1996.
14. М. Горький и В. Короленко. – М., 1957.
15. Замятин Е.И. Беседы еретика. / Е.И. Замятин // *Собр. соч. : в 5 т. / сост., подгот. текста, коммент. С.С. Никоненко, А.Н. Тюрина.* – Т. 4. – М., 2010.
16. Marianne. – Paris. – 1933. – 4 janvier.
17. *Литературный энциклопедический словарь.* – М., 1987.
18. *Литературное обозрение.* – 1988. – № 2.
19. *Вопросы литературы.* – 1989. – № 1.
20. Карпов А.С. День нынешний и день минувший: по страницам журнальной прозы / А.С. Карпов // *Полит. образование.* – 1989. – № 1.
21. Иванова Н.Б. Прощание с утопией или Сюжет для ненаписанного романа / Н.Б. Иванова // *Лит. газета.* – 1990. – 18 июля.
22. *Красная газета: Вечерний выпуск.* – 1929. – 15 окт.
23. *Красная новь.* – 1930. – № 1.
24. *Литературная энциклопедия.* – М., 1930. – Т. 4.
25. *Литературная учеба.* – 1990. – № 3.
26. *Литературная учеба.* – 1990. – № 3.
27. Барабанов Е. Комментарии / Е. Барабанов // *Замятин Е.И. Соч.* – М., 1988.
28. *Литературная учеба.* – 1988. – № 5.
29. *Литературная газета.* – 1994. – 13 апр.
30. *Новый мир.* – 1990. – № 1.
31. *Читатель и писатель.* – 1928. – № 6.
32. Файман Г. «И всадили его в темницу...» Замятин в 1919, 1922–1924 гг. / Г. Файман // *Новое о Замятине. Сб. материалов / под ред. Л. Геллера.* – М., 1997. (Орфография источника).
33. Цветаева М.И. Собр. соч. : в 7 т. / М.И. Цветаева. – Т. 7. Письма. – М., 1995.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

*Полякова Л. В., доктор филологических наук, профессор
Института филологии*

E-mail: ruslit09@rambler.ru

*Tambov State University named after G. R. Derzhavin
Polyakova L. V., Doctor of Philology, Professor of the
Philology Institute
E-mail: ruslit09@rambler.ru*